

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.2

Омонимия в контексте общей семантической стратификации лексики

© В. Л. Ибрагимова

Уфимский университет науки и технологий
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: ivl334@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей корреляции внутриязыковых омонимных объединений в связи с разнообразием подходов к определению явления омонимии. Уделяется внимание проблеме происхождения внутриязыковой омонимии. Гомогенная омонимия рассматривается как результат семантического развития слова, подобно его собственной языковой природе, гетерогенная характеризуется как явление случайного совпадения омонимов в плане выражения их различной семантики. Значимость явления омонимии в первую очередь связана с коммуникативно-речевым аспектом функционирования языка.

Ключевые слова: внутриязыковой, гетерогенный, гомогенный, коммуникация, корреляция, лексический, омонимия, семантический, связанность, уровень.

Системологический подход к пониманию и изучению лексико-семантической области любого языкового образования позволяет представить эту область как поуровневно дифференцированную, иерархизованную целостность, как «систему систем». Единицы каждого уровня этой системы связаны друг с другом и идентифицируются на основе собственных системообразующих признаков. По-видимому, история формирования таких признаков в первую очередь зависит в целом от способа видения и категоризации человеком тех или иных реалий самого мира внеязыковой действительности и их отражения в слове. В онтологическом контексте реалии мира – это не только предметы, но и самые разнообразные отношения между ними, видение, оценка – в целом отношение самого человека (тоже «реалии мира») к окружающему, его выраженная «свернутая» реакция на происходящее. На соответствующий подход к природе слова в традиционной грамматике указывает В. В. Виноградов и выделяет в составе русской лексики четыре структурно-семантических типа слов, объединяющихся в соответствии с этим в четыре грамматико-семантические категории: слова-названия с примыкающими к ним местоимениями; связочные, служебные слова; модальные слова; междометия [5]. Таким образом В. В. Виноградов высший уровень иерархии лексико-семантического универсума языка представляет целостно. Постоянно развивающиеся внешние связи языка с миром действительности в первую очередь и полнее всего проявляются в области номинативной лексики. Именно эта область лексико-семантической системы наиболее выражено и глубоко иерархизована в целом и дифференцирована на каждой отдельной ступени иерархии (см. [10]). В. В. Виноградов обосновал понимание иерархии лексики в опоре на различия слов в первую очередь в зависимости от особенностей сочетания и взаимодействия в их структуре лексических и грамматических значений. Ее единицы группируются в различные подсистемы (части речи, лексико-грамматические разряды, лексико-семантические поля и т.д.) в зависимости от общности тех или иных системообразующих признаков, а на самой нижней ступени

иерархии лексики они представлены уже как отдельные единицы индивидуально-лексической природы – лексико-семантические варианты слов. Н. Ю. Шведова рассматривает лексический состав языка как одну из подсистем общей глобальной системы. «По мере углубления в каждую из подсистем внутри нее выделяются свои достаточно определенные участки; подсистеме присуще свое дальнейшее членение. И чем глубже прослеживается такое членение, тем очевиднее выступают черты системной организации отдельных языковых сфер» [20, с. 155]. Что касается лексики, здесь обнаруживается принципиально бесконечное многообразие разноуровневых системных семантических связей, лежащих в основе лексико-семантических и лексико-тематических объединений единиц (слов-моносемантов и лексико-семантических вариантов многозначных слов). Это такие объединения, как синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические группы, семантические поля, внутрисловные парадигмы лексико-семантических вариантов многозначных слов, образований, традиционно именуемых словообразовательными парами, цепочками, парадигмами, гнездами [8, с. 10–18]. Составляющие подобные типы объединений слова находятся в разнообразных семантических отношениях подобия, притяжения и др., что так или иначе отражено в названиях таких объединений. Они не вписаны в структуры лексико-семантического универсума жестким образом, имеют открытый характер и в соответствии с коммуникативными потребностями носителей языка постоянно пополняются новыми единицами на основе потенциальных внутрисистемных семантических связей, что уже отмечалось выше. В лексико-семантическом многообразии языка имеются также группировки единиц, никак не связанных друг с другом семантически и отмеченных лишь тождеством звуковой, графической, морфологической репрезентации. Эту их особенность отражают термины *омоним*, *омонимия*: др.-греч. *homos* «тот же самый, одинаковый, равный» и *опута*, *опота* «имя». Поэтому омонимы некорректно рассматривать в одном ряду с группировками семантически связанных единиц (например, с синонимами и антонимами). Однако известна и другая точка зрения. Ф. П. Филин усматривает наличие в сфере омонимии семантических корреляций, связанности: «Здесь можно говорить о контекстуально-семантическом отталкивании, а не просто о разных и по своим значениям безразличных друг к другу словах. Отталкивание – это тоже связь, элемент системы...» [19, с. 220]. Собственная, индивидуальная лексико-семантическая значимость омонимов обнаруживается в разнообразных семантически мотивированных системных связях с единицами других парадигматических контекстов. Например, слово *лук* I как название растения – это единица лексико-тематической группы «овощи», тогда как слово *лук* II «ручное оружие для метания стрел» – это единица иной лексико-тематической группы: «оружие». Различна их деривационная способность, ср.: *лук* I (*луковица*, *луковый*) и *лук* II (*лучный*). Различно также происхождение этих слов: *лук* I – это общеславянское заимствование из древнегерманского *lauka- (ср. др.-исл. *laukr*, др.-в.- нем. *louh* «лук», а также нем. *Lauch* в составе сложного слова *Schnittlauch* «зеленый лук»), тогда как *лук* II – общеславянское слово, буквально «кривой, согнутый», ср.: *лука* «изгиб, кривизна чего-л.; дуга; выступающий изгиб переднего или заднего края седла»; *лукоморье* (стар.) – «морской залив» (букв. *лука моря*), *излучина* «крутой поворот, изгиб реки». Слово того же этимологического корня *лукавый* является дериватом общеславянского *lōka «хитрость, коварство». Интересно обратить внимание в связи с рассматриваемым примером на социальное поведение одного из героев Максима Горького – старца по имени Лука. М. Фасмер указывает на родственные слова из балтийских языков: лит. *laĩkas* «дуга, обруч», *lankùs* «гибкий», лтш. *lùoks* «изгиб, дуга», *luòks* «гибкий» и др. [17]. В отношениях омонимии

находятся также генетически различные слова (гетерогенная омонимия) *kosa* I «сплетенные в виде жгута несколько длинных прядей волос» и *kosa* II – наименование одного из сельскохозяйственных орудий – изогнутого ножа на длинной рукоятке. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как оmodублет этих слов приводится слово *kosa* III «идущая от берега низкая и узкая полоса замли: *песчаная коса*». [13]. Это слово могло появиться в русском языке на базе образной мотивированности имени данного ландшафтного образования с предметами, поименованными как словом *kosa* I, так и словом *kosa* II. В языках имеются также оmodублеты исконно гомогенной природы. В русском языке это, например, лексико-семантические дериваты общеславянского корня *vedt- *перевести* I «переместить через какое-л. пространство» и *перевести* II «известить, истребить: *перевести мышей*»; дериваты общеславянского *klad- *склад* I «помещение для хранения чего-н.» и *склад* II «образ мыслей, привычек» (оба корня имеют соответствия в других индоевропейских языках). Приведем примеры оmodублетов из польского языка: *łaska* I «милость, любезность; одолжение» / *łaska* II «зоол. ласка»; *karota* I «бот. каротель» / *karota* II «вымогание пожертвований»; *nadrobić* I «надставить, надвязать и под.» / *nadrobić* II «надробить, размельчить, накрошить» и др. Как омонимы рассматриваются в словаре под редакцией М. Ф. Розвадовской *cios* I «удар» и *cios* II «тесаный камень», *luty* I «февраль» / *luty* II уст. «лютый, жестокий; морозный» [16].

Внутренняя форма слова *омонимия* (буквально «*равноименность*») не вполне отражает природу рассматриваемого явления, о чем можно судить по имеющему место разнообразию подходов к их определению и характеристике. Так, О. С. Ахманова понимает омонимию широко, усматривая такой тип отношений в разных областях структуры языка, как звуковое совпадение двух или более разных языковых единиц, располагая здесь омонимию звуковую, омонимию лексическую, омонимию окончаний, омонимию падежных форм, омонимию фразеологизмов, а также омонимию частичную в одном ряду [2]. Б. Ю. Норман пишет об омонимии морфем: «Полное различие содержания при тождестве формы есть омонимия морфем» [13, с. 281]. Такая асимметрия в плане содержания и в плане выражения единиц в морфологизированных языках, каковыми являются русский и польский, представлена достаточно ярко. Ср., например, *прослушать*, *проехать*, *проспать* и др., *закладка*, *пробежка*, *ножка* и др.; в польском языке это, например, *sąsiadka* «соседка», *bramka* «спорт. ворота; гол: *strzelić bramkę*», *rozkołysać* «раскачать», *rozkrajać* «разрезать» и др. Как можно видеть, такое широкое понимание омонимии находится в некотором противоречии с его именовани-ем. В. В. Виноградов рассматривает как омонимы разные по значению слова, которые одинаково звучат и пишутся, относятся к одной и той же части речи. Слова, одинаковые по звучанию, но различные по написанию (омофоны), а также слова, совпадающие по звучанию лишь в нескольких или в одной грамматической форме (омоформы), рассматриваются им как смежные явления. Такую же позицию по отношению к омонимам занимают омографы, поскольку, совпадая по написанию, они различаются фонетически [9]. Ю. С. Маслов характеризует омонимию как «тождество звучания двух или нескольких разных слов» [11, с. 107]. Совпадающие графически, но звучащие различно слова (омографы) Ю. С. Маслов также не относит к омонимам. Вместе с тем практика устной коммуникации, в том числе межкультурной, дает основания для того, чтобы инклюзировать в область омонимических соответствий омофонию (рус. *лук* I, II / *луг*, *кот/код*, пол. *łuk* «ручное оружие для метания стрел» / *ług* «хим. щелочь; щелок»), а также омографию (*зámок/замóк*). На тех же основаниях можно, по видимому, вести речь об омоформии. Омоформию можно наблюдать в пределах парадигм одной и той же части речи (например, омонимия падежных форм, ср. рус. *дом новый* – им. п. ед. ч. /

купить дом – вин. п. ед. ч., пол. *koń gniady* – им. п. ед. ч. / *siadać na koń* – вин. п. ед. ч.; *mówimy o koniu* – местн. п. ед. ч. / *koniu mów gniady!* – зв. форма) и разных частей речи (например рус. *течь* – глагол и *течь* – отглагольное имя; пол. уст. *miast* «вместо» / *dużo miast i miasteczek*). Д. Н. Шмелев использует понятия полная и частичная омонимия. Омоформы, омографы и омофоны он считает частичными омонимами [21, с. 344–345]. Б. Н. Головин эти же термины использует иначе: полные имеют одинаковое звучание во всех своих формах (например, *лук I* и *лук II*, *ключ I* и *ключ II*). Частичные омонимы имеют одинаковое звучание не во всех формах (например, *жать I* «срезать» и *жать II* «давить») [6, с. 102]. Отметим вместе с тем, что корректность квалификации приведенных Б. Н. Головиным слов как полных омонимов может быть поколеблена различиями в реализации их словообразовательного и фразеобразовательного потенциала, ср.: *лук I*: *луковый, луковка, луковица, луковичный* и *лук II*: *лучный*; *ключ I*: *ключевая вода* и *ключ II*: *ключевая фигура, ключевой вопрос; ключарь*.

Даже самый общий обзор точек зрения на явление омонимии показывает, что актуальным как в познавательно-теоретическом, так и в коммуникативно-прагматическом аспекте является вопрос о происхождении этого интересного феномена. Значимой представляется дифференциация явления омонимии по линии гетерогенный/гомогенный. По-видимому, происхождение гетерогенной омонимии можно рассматривать как некую случайность, так как оно не имеет внутриязыковых причин. Гетерогенная омонимия может развиваться, например, в результате заимствования слова из другого языка и его звукового сближения или отождествления с исконным – нередко в результате закономерных фонетических изменений в ходе длительной истории развития. В русском языке это слова *лук I* «оружие для метания стрел» (заимствование из старославянского – *лжкъ*) и *лук II* – «растение» (общеславянское, заимствовано из древнегерманского **lauka-* – ср. нем. *Lauch* в составе слова *Schnittlauch* «зеленый лук»). Культурно-исторические причины имеет также возникновение омопары *брак I* и *брак II*: *брак* в значении «супружество» – это субстантивный дериват глагола *братъ* (ср. *братъ в жены, братъ замуж, братъ в мужья*) (заимствование из старославянского языка); *брак* как номинация дефекта в каком-либо изделии – это инографическая передача субстантивного деривата *brack* от глагола *brechen*, заимствованного из немецкого языка через посредство польского. Фонетически тождественными могут оказаться дериваты этимологически различных слов, например, польские *ranny I* «ранний» и *ranny II* «раненый». Приведем еще примеры из польского: *rola I* «роль, художественный образ» и *rola II* «обработанная земля, пахотное поле» (из праслав. **orlja*, связано с иевр. **orti* «пахать», праслав. **ordlo* «плуг, соха»); англ. *smack I* «вкус», *smack II* «одномачтовое рыболовное судно», *smack III* «шлепок» и др.; нем. *sieben I* «просеивать» и *sieben II* «семь».

Причины гомогенной омонимии носят выраженный внутриязыковой характер. В этом случае омонимизация происходит в результате разрыва связи исторически единой семантики слова в длительном процессе его лексико-семантического варьирования и развития многозначности. Об этом пишет например Д. Н. Шмелев: «Наиболее продуктивным и исторически наиболее сложным фактором появления омонимии является разрыв первоначально единой семантики многозначного слова». В качестве примера он приводит омопару слов *свет I* «лучистая энергия» и *свет II* «мир, вселенная», а также примеры из других языков [20, с. 345]. Как сложившиеся в составе внутрисловных парадигм омопар можно рассматривать следующие: *клепать I* «соединять части с помощью заклепок» и *клепать II* «клеветать»; *замолчать I* «перестать говорить» и *замолчать II* «преднамеренным молчанием скрыть что-л.». В польском

языке это *pokój* I «мир» и *pokój* II «комната», *pławić* I «сплавлять» и *pławić* II «расплавлять»; *boleć* I «испытывать боль» и *boleć* II «печалиться, скорбеть». В контексте рассматриваемого вопроса можно указать на случаи конверсной семантической соотносительности единиц в составе омопар, например, в польском языке *gościć* I «гостить; быть в гостях» и *gościć* II «угощать, принимать в качестве гостя»; *pożyczać* (*pożyczyć*) I «ссудить, дать займы, одолжить» и *pożyczać* (*pożyczyć*) II «занять, взять займы». В русском языке это, например, *одалживать* (*одолжить*) I «дать займы» и узуальное *одалживать* (*одолжить*) II «взять в долг» (последнее в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой рассматривается как неправильное употребление слова *одолжить*) [14].

Таким образом, процесс омонимизации лексико-семантических вариантов в составе внутрисловных парадигм, происходящей в результате распада полисемии, по-видимому, можно рассматривать в одном русле с семантическим развитием слова на этапе некоего завершения его жизненного цикла. Это длительный и исторически неостановимый процесс, связанный с естественным стремлением «человека думающего и говорящего» облечь в словесную форму результаты познания мира окружающей действительности, многовариантности своих отношений с этим миром. О. С. Ахманова считает, что во многих случаях процесс омонимизации в пределах полисемантов еще не завершен и в своем Словаре омонимов русского языка специально маркирует такие случаи [3]. Зафиксировать хронологию распада многозначной семантики слова и формирования в результате этого процесса омонимии в его конкретике, по-видимому, сложно. С этим связана проблема разграничения полисемии и гомогенной омонимии. По мнению Е. В. Урысон, в процессе семантического развития слова, по-видимому, «существует некий порог различий», некоторая «критическая величина»: «Если семантические различия между употреблениями слова достигают этого порога, то такие употребления *ощущаются* (курсив наш. – **В. И., Р. Л.**) как разные значения данного слова» [17, с. 191]. Представляется, что фиксировать появление «порога различий» в результате семантического развития слова в опоре на «ощущение» этих различий вносит в решение вопроса о критериях разграничения полисемии и гомогенной омонимии затруднения, связанные с субъективизмом восприятия. Само понятие «гомогенная омонимия» и соответствующий термин указывают на присутствие в семантической инфраструктуре тестируемых единиц общего семантического компонента и возможность его выявления путем использования методов и приемов сравнительно-исторического исследования – таких как внутренняя и внешняя реконструкция, этимологический и мотивационный анализ. На характер этой проблемы обращают внимание, например, А. Н. Абрегов и Г. А. Мелконян [1]. Они указывают на лингвистические критерии разграничения полисемии и омонимии, помогающие избежать субъективизм в этой области: этимологический; учет формо- и словообразовательных моделей и синтаксических связей; семантический, основанный на учете соотношения (см. также [7]). По мнению Н. Б. Мечковской, «границы полисемии, за пределами которых многозначное слово расщепляется на омонимы, и сами закономерности перерастания многозначности в омонимию» зависят «от внутренних условий, в частности от закономерностей в соотношении систем плана выражения и плана содержания в лексике конкретного языка» [12, с. 403]. Б. А. Плотников не считает проблему дифференциации полисемии и омонимии решенной: «Не всегда с достаточной четкостью в составе парадигмы многозначного слова можно... однозначно определить, разные ли слова перед нами (омонимы), или одно слово в разных значениях» [15, с. 206]. С этим обстоятельством он связывает стремление крупных отечественных языковедов А. А. Потебни и Л. В. Щербы отрицать существование полисемии

и считать каждое значение слова (его лексико-семантический вариант) самостоятельной единицей.

Значимость явления омонимии связана с коммуникативным аспектом языка, с речевым функционированием оmodублетов. Лингвистически и коммуникативно (прагматически) значимой является дифференциация внутриязыковой омонимии по линии «гомогенный»/«гетерогенный». Гетерогенная омонимия может быть охарактеризована как явление случайного совпадения единиц в плане выражения их различной семантики – в звучании и графической репрезентации. Гомогенная омонимия возникает в лексике отдельного самостоятельного языка естественным путем, в результате сообразного собственной языковой природе слова семантического развития, в результате распада многозначности слова, осознаваемого носителями языка как предел его семантического варьирования.

Омонимия как в отдельном самостоятельном языке, так и в аспекте межязыковых корреляций – это один из естественных процессов развития лексики.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220658).

Литература

1. Абрегов А. Н., Мелконян Г. А. Особенности лексикографирования омонимов и многозначных слов в разнотемных языках (на материале русского и адыгейского языков) // Сопоставительная филология и полилингвизм: Мат-лы II Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 29 ноября – 1 декабря 2005 года). Казань: Школа, **2005**.
2. Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, **1969**.
3. Ахманова О. С. *Словарь омонимов русского языка*. М.: Русский язык, **1986**.
4. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // *Вопросы языкознания*. **1968**. №5.
5. Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. 3-е изд. М.: Наука, **1986**.
6. Головин Б. Н. *Введение в языкознание*. М.: Высшая школа, **1977**. С. 102.
7. Задорожный М. М. *О границах полисемии и омонимии*. М., **1971**.
8. Ибрагимова В. Л. Лексико-семантическое поле языка и принципы его моделирования // *Лингвистический семинар: Межвуз. сб. науч. ст.* Вып. 2. Санкт-Петербург, **2001**. С. 10–18.
9. Кронгауз М. А. *Семантика*. М., **2001**.
10. Кузнецова Э. В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // *Вопросы металингвистики*. Л., **1963**.
11. Маслов Ю. С. *Введение в языкознание*. М.: Высшая школа, **1987**. С. 107.
12. Мечковская Н. Б. Язык как исторически изменяющееся явление // *Общее языкознание* / Под ред. А. Е. Супруна. Минск: Вышэйшая школа, **1983**. С. 403.
13. Норман Б. Ю. *Грамматика* // *Общее языкознание* / Под ред. А. Е. Супруна. Минск: Вышэйшая школа, **1983**. С. 281.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., **2017**.
15. Плотников Б. А. Лексикология // *Общее языкознание* / Под ред. А. Е. Супруна. Минск: Вышэйшая школа, **1983**. С. 206.
16. *Польско-русский словарь* / Под ред. М. Ф. Розвадовской. М.: ГИИНС, **1960**.
17. Урысон Е. В. *Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике*. М.: Языки славянской культуры, **2003**. С. 191.
18. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. М.: Астрель, **2009**. Т. 2.
19. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // *Очерки по теории языкознания*. М., **1982**. С. 220.
20. Шведова Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. М.: Наука, **1988**. С. 155.
21. Шмелев Д. Н. Омонимия // ++Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, **1998**. С. 344–345.

Поступила в редакцию 05.12.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.2

Homonymy in the context of general semantic stratification of vocabulary

© V. L. Ibragimova

*Ufa University of Science and Technologies
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: ivl334@yandex.ru

The article deals with issues related to the ambiguity of understanding the nature and place of homonymy in the vocabulary of independent language formations, with the features of the correlation of units of intralinguistic homodoublet associations, with a variety of approaches to their definition. Attention is drawn to the incorrect consideration of homodoublet formations in a line with lexico-semantic classes of units in a system of hierarchical, level-by-level differentiated integrity, which follows from the objective-linguistic principles of identifying units correlated semantically (lexico-semantic classes) and units related by the duplication of the expression plan (homonyms). The possibility of understanding the “contextual-semantic repulsion” of homonymous units in terms of system connectivity is also considered. Attention is paid to the problem of the origin of homonymy, which is reflected in the terms “homogeneous” and “heterogeneous”. Homogeneous intralinguistic homonymy is considered as the result of semantic development, consistent with the own linguistic nature of the word, the disintegration of its polysemy, perceived by native speakers as the limit of its semantic variation. Heterogeneous homonymy is characterized as a phenomenon of random coincidence of lexical units in terms of expressing their different semantics: in sound and graphic representation. The significance of the phenomenon of homonymy is primarily associated with the communicative and speech aspect of the functioning of the language.

Keywords: intralingual, heterogeneous, homogeneous, communication, correlation, lexical, homonymy, semantic, connectivity, level.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220658).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ibragimova V. L. Homonymy in the context of general semantic stratification of vocabulary // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 6. Pp. 420–427.

References

1. Abregov A. N., Melkonyan G. A. *Sopostavitel'naya filolo-giya i polilingvizm: Mat-ly II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Kazan', 29 noyab-rya – 1 dekabrya 2005 goda). Kazan': Shkola, **2005**.
2. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow: Sovet-skaya entsiklopediya, **1969**.
3. Akhmanova O. S. *Slovar' omonimov russkogo yazyka [Dictionary of homonyms of the Russian language]*. Moscow: Russkii yazyk, **1986**.
4. Vinogradov V. V. *Voprosy yazykoznanija*. **1968**. No. 5.
5. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical teaching about the word]*. 3-e izd. Moscow: Nauka, **1986**.

6. Golovin B. N. *Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]*. Moscow: Vysshaya shkola, **1977**. Pp. 102.
7. Zadorozhnyi M. M. *O granitsakh polisemii i otonimii [On the boundaries of polysemy and homonymy]*. Moscow, **1971**.
8. Ibragimova V. L. *Lingvisticheski seminar: Mezhevuz. sb. nauch. st. No. 2. Sankt-Peterburg*, **2001**. Pp. 10–18.
9. Krongauz M. A. *Semantika [Semantics]*. Moscow, **2001**.
10. Kuznetsova E. V. *Voprosy metalingvistiki*. Leningrad, **1963**.
11. Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]*. Moscow: Vysshaya shkola, **1987**. Pp. 107.
12. Mechkovskaya N. B. *Obshchee yazykoznanie*. Ed. A. E. Supruna. Minsk: Vysheishaya shkola, **1983**. Pp. 403.
13. Norman B. Yu. *Obshchee yazykoznanie*. Ed. A. E. Supruna. Minsk: Vysheishaya shkola, **1983**. Pp. 281.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow, **2017**.
15. Plotnikov B. A. *Leksikologiya. Obshchee yazykoznanie*. Ed. A. E. Supruna. Minsk: Vysheishaya shkola, **1983**. Pp. 206.
16. *Pol'sko-russkii slovar' [Polish-Russian dictionary]*. Ed. M. F. Rozvadovskoi. Moscow: GIINS, **1960**.
17. Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira. Analogiya v semantike [Problems of the study of the linguistic picture of the world. Analogy in semantics]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, **2003**. Pp. 191.
18. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. V 4 t. Moscow: Astrel', **2009**. Vol. 2.
19. Filin F. P. *Ocherki po teorii yazykoznaniiya*. Moscow, **1982**. Pp. 220.
20. Shvedova N. Yu. *Rusistika segodnya. Yazyk: sistema i ee funktsionirovanie*. Moscow: Nauka, **1988**. Pp. 155.
21. Shmelev D. N. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Yazykoznanie*. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, **1998**. Pp. 344–345.

Received 05.12.2022.